

ЦВЕТOK СКВОЗЬ ТЬМУ

Галина Зимняя

18+

Галина Зимняя

Цветок сквозь тьму

«Автор»

2026

Зимняя Г.

Цветок сквозь тьму / Г. Зимняя — «Автор», 2026

У Алисы была обычная счастливая жизнь: любимое дело, дом, человек, которому она доверяла. Но однажды в этом хрупком порядке появляется нечто странное — как будто из памяти начинают исчезать слова, разговоры, обещания. Сначала это похоже на усталость. Потом — на совпадение. А затем Алиса понимает: рядом с ней происходит что-то, чему нет простого объяснения. Чем глубже она пытается докопаться до правды, тем опаснее становится мир, который ещё вчера казался уютным и понятным. «Цветок во тьме» — напряжённая психологическая история с атмосферой скрытой угрозы, тайнами прошлого и медленно нарастающим ужасом. Напомню: препарат «Тенейрол» — всего лишь элемент художественного мира романа, он не существует в реальности. Автор ни в коем случае не призывает к употреблению каких либо запрещённых веществ — будь то психотропные, наркотические или иные. Буду безмерно рада вашей оценке, тёплому отзыву и подписке на автора. Все герои и события здесь — плод воображения.

© Зимняя Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	7
Глава 2.	9
Глава 3.	11
Глава 4.	13
Глава 5.	18
Глава 6.	21
Глава 7.	25
Глава 8.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Галина Зимняя

Цветок сквозь тьму

Пролог

Июньское утро входило в квартиру через открытое окно — тёплое, щедрое, напоённое запахом жасмина и влажной после ночного дождя зелени. Свет ложился на пол длинными золотыми полосами, дрожал на стене, отражался в стеклянной дверце кухонного шкафа. На плите тихо булькала турка, и горьковатый кофейный дух смешивался с уличной свежестью, создавая тот особенный утренний запах, который не спутаешь ни с чем: запах дома, лета, спокойной, устоявшейся жизни.

Алиса стояла у столешницы босиком, в лёгком домашнем платье, и рассеянно перебирала волосы, пытаясь найти на запястье резинку, которая, как всегда, куда-то исчезла. Движения её были медленными, плавными — движениями человека, которому некуда спешить. Она налила кофе в две чашки, мимоходом отметив, что одна из них — та самая, с тонкой трещиной по ободку, которую давно пора заменить, но рука всякий раз тянется именно к ней. Привычка. Маленькая, почти незаметная примета дома.

— Ты опять ищешь резинку на запястье, а она у тебя в волосах, — раздался сзади сонный, чуть хриловатый голос.

Она обернулась. Денис стоял в дверях кухни — взлохмаченный, босой, в расстёгнутой наполовину рубашке, со следами подушки на щеке. Волосы после душа ещё не высохли и слегка вились на висках. Он выглядел так по-домашнему, так привычно и в то же время так дорого, что каждое утро она будто заново привыкала к тому, что он здесь, рядом, и никуда не исчез.

— Спасибо, — она вытянула резинку из волос и, не глядя, собрала их в небрежный узел. — Кофе на столе.

Он подошёл ближе, и она почувствовала запах мыла и ещё чего-то неуловимого, что всегда казалось ей его собственным теплом. Остановился за её спиной, коснулся пальцами выбившейся пряди у виска, заправил её за ухо — мягко, без слов, одним из тех жестов, в которых близость живёт прочнее, чем в признаниях.

— Мы сегодня никуда не опаздываем? — спросила она, протягивая ему чашку.

— В семь выставка, — он взял кофе и сделал глоток. — Билеты на столике в прихожей. Я вчера положил.

— Ты помнишь?

— Конечно. Это же Брейгель. Ты говорила о нём уже неделю.

Алиса улыбнулась. Ей нравилось, что он запоминает такие вещи просто потому, что слушает, когда она говорит о том, что ей дорого.

— Подожди, — сказал он вдруг.

— Что?

— Серьга. У тебя одна не застёгнута.

Она потянулась к уху, но он уже опередил её — осторожно, двумя пальцами взял крошечную золотую застёжку и защёлкнул её. На мгновение задержался, глядя на её отражение в стекле кухонного шкафа.

— Красивая, — сказал он. — Тебе идёт.

— Ты сам их выбирал.

— Значит, у меня хороший вкус.

Она легонько толкнула его локтем, и он усмехнулся, отступая к столу. В этом движении, в этой улыбке, в этом утре было столько простого, незамысловатого счастья, что Алиса на

секунду замерла, будто стараясь удержать его не в памяти даже, а просто в себе — как тёплый свет на коже.

Они пили кофе у окна, обсуждая планы на вечер. Денис рассказывал что-то о работе, она вполголоса откликалась, и их голоса сплетались в тот особенный утренний ритм, который возникает только у людей, давно живущих вместе. Не было ни напряжения, ни недосказанности, ни тени сомнения. Было спокойное, уверенное «мы» — не громкое, не проговорённое вслух, а вплетённое в быт так же естественно, как дыхание.

— Я, кажется, вчера забыл бумаги на работе, — сказал он вдруг, нахмурившись. — Или нет Я их приносил?

— Приносил, — кивнула Алиса. — Они на тумбочке, под книгой.

— Точно. — Он провёл ладонью по лицу. — Что-то я в последнее время как сонная муха. Забываю всё подряд.

— Ты просто устал. Всю неделю допоздна на объекте, а потом ещё эти встречи.

— Наверное, — он отставил чашку и посмотрел на часы. — Ладно, мне пора. Вечером встретимся у входа?

— Да. В половине седьмого.

Он кивнул, поцеловал её в макушку — быстро, по-домашнему — и вышел в коридор. Через минуту хлопнула входная дверь, и в квартире снова стало тихо.

Алиса осталась у окна. За стеклом шевелились от лёгкого ветра ветки жасмина, роняя на подоконник белые лепестки. Чашка в её руке ещё хранила тепло. На столе лежала забытая резинка для волос. В прихожей, рядом с ключами, белели два билета с золотым тиснением.

Она постояла ещё немного, глядя, как свет медленно ползёт по полу, и в это утро не было ничего, что требовало бы сомнений. Всё казалось простым, ясным, своим.

Глава 1.

Шестнадцать месяцев спустя. Октябрь.

Алиса проснулась оттого, что в комнате стало слишком тихо. Дождь за окном на минуту стих, и эта внезапная тишина выдернула её из сна. Она полежала, глядя в серый потолок, потом накинула халат и пошлёпала на кухню.

Утро сочилось в окна жидким, разбавленным светом. От стёкол тянуло прохладой, но батареи уже дышали теплом — в квартире стояла сухая духота начала отопительного сезона: снаружи осень, а внутри свой отдельный остров. Алиса включила кофе-машину и, пока та урчала, принялась готовить завтрак. Двигалась машинально, но уверенно: разбила яйца, взбила с молоком, вылила на сковороду. Запахло омлетом и чуть пригоревшим маслом — обычным утром. Мастерская была частью квартиры, и Алиса, помешивая омлет, уже мысленно прикидывала, сколько успеет сделать до обеда.

Из ванной послышался шум воды. Денис принимал душ. Алиса налила себе кофе, обхватила кружку ладонями и посмотрела, как дождь снова застучал по жестяному отливу.

Вскоре он вышел — уже одетый, на ходу приглаживая влажные волосы. От него пахло гелем для душа с хвойным оттенком.

— Доброе утро, — бросил он, проходя к столу. — Ну и погодка. Льёт как из ведра.

— Осень, — отозвалась Алиса, ставя перед ним тарелку. — Ничего, обещают к выходным прояснение.

Они завтракали, перебрасываясь простыми фразами. Она спросила, во сколько он вернётся. Он ответил что-то про встречу, про бумаги, которые нужно забрать у юриста. Алиса слушала, кивала, но в его интонации ей слышалась лёгкая рассеянность, будто он говорил на автопилоте.

И тогда она осторожно напомнила:

— Кстати, я вчера просила тебя позвонить в багетную насчёт моих рам. Помнишь? Ты не забыл?

Она специально выбрала самый обычный тон, без подтекста.

Денис поднял глаза и на секунду замер. По лицу пробежала лёгкая тень — не раздражения, скорее растерянности.

— Рам?.. — переспросил он. — А, точно. Что-то такое было. Извини, вылетело из головы.

Он улыбнулся — чуть виновато, чуть устало. Алиса улыбнулась в ответ и пожала плечами:

— Ничего. Я сама позвоню.

Она не стала развивать тему. Мало ли. У него правда много работы. Но внутри что-то едва заметно царапнуло — как бывает, когда проводишь рукой по гладкой поверхности и вдруг натыкаешься на крошечную шероховатость. Она стряхнула это ощущение и потянулась за кофе.

После завтрака Денис поднялся и ушёл в гардеробную. Алиса слышала, как он там возится, как открывает ящики, как звякнула пряжка ремня. Она не пошла за ним — в этом не было необходимости. Он прекрасно справлялся сам.

Через несколько минут он вышел в коридор уже собранный: в плаще, с портфелем. Проверил карманы — ключи, телефон, бумажник. Машинально взглянул на запястье — часы Omega на месте, — затем тронул тонкий серебряный браслет на правой руке, поправил его. Жест, который Алиса видела сотни раз и давно перестала замечать. Она стояла в дверях кухни, прислонившись плечом к косяку, и просто смотрела.

— Зонт не забудь, — сказала она.

— Да, точно. — Он снял зонт с крючка. — Созвонимся днём.

— Хорошо.

Он поцеловал её в висок — быстро, привычно, — и вышел. Замок щёлкнул.

Всё было как обычно. Без пауз. Без долгих взглядов.

Алиса ещё немного постояла, потом вернулась на кухню, убрала посуду, протёрла стол. За окном снова припустил дождь — уже не стучал, а шелестел, нагоняя сонную монотонность. Она поймала себя на пустом взгляде — привычке, появлявшейся, когда мысли уходили слишком далеко, — и тряхнула головой.

Ещё вчера Денис, слушая про рамы, кивал и говорил, что позвонит. Сегодня же он смотрел на Алису так, словно этого разговора и не было.

Она вытерла руки полотенцем и решительно направилась в мастерскую. Хватит. Работа сама себя не сделает.

В мастерской было прохладно, но уютно. Она включила настольную лампу, разложила кисти, раскрыла папку с эскизами. Заказ был на серию иллюстраций к детской книге — пушистые звери, волшебный лес. Сегодня нужно было доделать разворот с лисой и светлячками. Алиса взяла карандаш, сделала несколько штрихов.

Но мысль возвращалась.

Не к самой забывчивости — к той короткой тени, что пробежала по его лицу. К растерянности. Словно он на мгновение потерялся в собственной голове.

Она попыталась отмахнуться. Стресс. Недосып. Обычное дело.

Но осадок остался.

Алиса придвинула лист, обмакнула кисть в акварель. Надо работать. Дождь за окном всё шелестел, и в этом звуке ей вдруг послышалась тишина, оставшаяся в квартире после его ухода, — тишина чуть плотнее, чем обычно.

Она не стала вслушиваться в эту тишину. Вместо этого взяла кисть и провела первую линию — яркую, оранжевую.

Глава 2.

Ночью дождь то шелестел за окном, то стихал, и в эти паузы тишина в квартире становилась особенно слышной. Где-то в гостиной мерно тикали часы.

Алиса спала чутко. Она перевернулась на бок, машинально вытянула руку в сторону Дениса — и пальцы легли на пустую, холодную простыню. Ткань остыла давно. Это и разбудило её окончательно.

Она приподнялась на локте и всмотрелась в темноту. Дверь в спальню была приоткрыта, из коридора тянулась узкая полоска света — приглушённого, кухонного.

Несколько секунд Алиса просто сидела, прислушиваясь. Ни шагов. Ни звука. Потом откинула одеяло и босиком вышла в коридор.

Пол был холодным, но она почти не чувствовала этого. Шла медленно, с тем неясным ощущением, которое возникает, когда в привычном порядке вещей вдруг что-то смещается.

На кухне горела лампа над столом. Алиса остановилась в дверях.

Денис сидел неподвижно. Перед ним не было ни телефона, ни чашки. Правая рука лежала на столе — ладонь раскрыта, пальцы чуть согнуты, как будто он только что держал что-то и замер. Глаза были открыты, но смотрели мимо предметов, в пустое пространство.

У Алисы внутри всё сжалось.

— Денис? — позвала она негромко. — Ты в порядке?

Он не ответил. Даже не вздрогнул. Только медленно моргнул, словно с усилием. Прошло несколько секунд, прежде чем он повернул голову к ней. В глазах мелькнуло узнавание — и сразу за ним растерянность.

— Алиса — выдохнул он. Голос был тихим, будто сорванным. — Я не помню, как сюда попал.

Она подошла ближе и села рядом.

— Совсем не помнишь?

Денис потёр лицо ладонью, потом провёл рукой по волосам. Пальцы чуть дрожали.

— Проснулся — и я уже здесь. На кухне. Сажу за столом. Как будто дошёл во сне. Или меня выключили, а потом снова включили. Только уже здесь.

Он попытался усмехнуться, но не вышло.

— Наверное, переутомление.

Алиса промолчала. Она смотрела на его правую руку — ту, с браслетом. Серебро тускло блеснуло в свете лампы. Но сама поза, то, как рука лежала на столе, казалась ей чужой, словно он ещё не совсем вернулся в собственное тело.

— Давай я налью воды, — сказала она.

— Не надо.

Он поднял на неё глаза. И в глубине, за усталостью и попыткой говорить спокойно, стоял страх.

Пауза затянулась. Из гостиной доносилось мерное тиканье часов. За окном тихо шелестел дождь.

Потом Денис заговорил — тихо, глядя в стол:

— Иногда мне кажется, что я теряюсь. Не в переносном смысле. А буквально. Бывают моменты, когда я не могу понять, где я. Не помню, как оказался в каком-то месте. Как будто выпадаю из времени на час или на два, а потом возвращаюсь, и всё вокруг чужое. Даже собственная квартира.

Он замолчал. Алиса накрыла его пальцы своей ладонью. Они были холодными — слишком холодными для тёплой кухни.

— Утром поговорим, — сказала она мягко. — Сейчас давай попробуем лечь.

Он только кивнул.

Они вернулись в спальню. Кухня осталась позади — с жёлтым светом лампы, с пустым столом, с тиканьем часов. Проходя мимо выключателя, Денис погасил свет.

В темноте они легли каждый на свою половину кровати. Но Алиса не сразу убрала руку. Она чувствовала, как холод его пальцев медленно уступает теплу.

Дождь стих. Днём всё это ещё можно было бы назвать усталостью. Ночью эти слова уже не держались.

Где-то глубоко внутри Алиса впервые признала: в их жизни появилась трещина. И её уже не закрыть словами «бывает» и «переутомление».

С надеждой она ждала утра — думала, Денис проснётся и сразу всё расскажет.

Но правда открылась под вечер.

Глава 3.

Утром Дениса уже не было. На тумбочке лежала записка: «Встреча с юристом, не стал будить».

Почерк был ровный, почти безупречный. Только одна буква смазалась, будто рука в этот момент дрогнула.

Алиса ещё несколько секунд сидела на краю кровати, держа записку в пальцах. После ночного разговора ей казалось, что утром всё должно стать яснее. Что Денис хотя бы попытается сказать то, чего не договорил ночью. Но вместо объяснения остались только эти несколько слов.

Днём она пыталась рисовать, но работа не шла. Алиса долго сидела перед чистым холстом, потом отложила кисть и, чтобы хоть чем-то занять руки, решила разобрать вещи в гардеробной: убрать летнее, достать тёплое.

Она выдвинула ящики, достала коробки с одеждой. Всё шло как всегда: сложить, встряхнуть, убрать. Лавандовое саше пахло сухо и слабо. В гардеробной стоял привычный запах ткани, дерева и лаванды. Этот порядок обычно успокаивал, но сегодня не помогал.

Потом она взялась за вещи Дениса. Его тёмно-синий пиджак висел не в гардеробной, а был небрежно брошен на спинку стула у стены. Алиса взяла пиджак, чтобы убрать, и машинально проверила карманы.

Пальцы наткнулись на бумагу.

Она достала два сложенных чека и развернула первый.

Мотель «Лагуна», ул. Победы, 4, номер 219.

14 октября, 19:28–21:10.

К оплате: 2 600 рублей.

Алиса перечитала дату.

14 октября.

Вчера.

Вчера Денис сказал, что задержится из-за делового ужина.

Она медленно перевела взгляд на второй чек.

Ювелирный дом FLORIAN.

Колье Aurora Vitae.

Белое золото, яшма, 28 бриллиантов.

468 000 рублей.

14 октября, 16:47.

За два с половиной часа до мотеля.

Алиса стояла посреди гардеробной, держа в руках оба чека. Она смотрела то на дату, то на сумму, то снова на дату. Мысль не складывалась, только распадалась на отдельные слова: вчера, ужин, мотель, кольцо почти за полмиллиона. Но не мне.

Она села на стул так резко, будто ноги перестали держать. Пиджак остался у неё в руках. От ткани слабо пахло его одеколоном — знакомо, почти по-домашнему, и от этого становилось только хуже.

Слёзы пошли не сразу. Сначала было только оцепенение — словно всё внутри разом онемело. Потом что-то дрогнуло, и она почувствовала, как по щекам текут слёзы. Без всхлипов. Без звука.

Она не знала, сколько просидела так. Может, минуту. Может, десять.

Потом Алиса выпрямилась. Аккуратно, уголок к уголку, сложила оба чека и убрала их обратно во внутренний карман. Повесила пиджак на вешалку, ровно расправила ткань на плечах и вышла из гардеробной.

— Не сейчас, — тихо сказала она. — Не сейчас.

Алиса дошла до кухни. Там всё было по-прежнему: чашка в сушилке, полотенце на ручке духовки, дождь за окном. Она приоткрыла форточку. В комнату вошёл холодный, сырой воздух.

Она подошла к окну и прижала ладонь к стеклу. Рука дрожала.

— Вот и всё, — сказала она вслух, и голос прозвучал хрипло, незнакомо. — Выходит, я просто стою дешевле.

За окном шумел дождь.

Глава 4.

Вечером Денис вернулся как обычно — с усталым лицом, с коротким поцелуем в щёку, с каким-то будничным вопросом о ужине, от которого Алисе на секунду стало физически холодно. Чеки всё это время лежали у него в кармане, и от этого его обычный голос, его движения, даже то, как он снимал пальто, казались почти невыносимыми. Она ответила что-то нейтральное, не спросила ничего и сама не поняла, как выдержала этот вечер до ночи.

Она почти не спала.

Сначала лежала, прислушиваясь к дыханию Дениса: он спал глубоко, ровно, будто в мире не произошло ничего, способного нарушить его покой. Потом встала, вышла на кухню и долго стояла у окна, глядя в темноту. Город за стеклом был чёрным, сырым, с редкими огнями в окнах напротив. В квартире стояла такая тишина, что Алисе казалось: она слышит собственные мысли — тяжёлые, беспорядочные, рвущиеся одна за другой.

Утром она сделала вид, что всё в порядке. Приготовила завтрак, поставила чашки на стол, спросила Дениса, во сколько он вернётся. Даже улыбнулась, когда он на ходу поцеловал её в висок и сказал что-то будничное, незначительное, будто между ними по-прежнему не было никакой трещины.

Она проводила его до двери.

— Не засиживайся сегодня, — бросила она почти равно.

— Постараюсь, — ответил он, уже надевая пальто.

Щёлкнул замок.

В прихожей повисла тишина.

Алиса ещё несколько секунд стояла у двери, глядя на тёмное дерево, будто ждала, что он сейчас вернётся, откроет, скажет, что всё это ошибка, глупость, чужая жизнь, случайно попавшая в их дом. Но за дверью было тихо.

Остаться одной в квартире оказалось невыносимо.

Она резко выдохнула, достала телефон и нашла Катю. Экран казался слишком ярким, почти болезненным для глаз.

Катя ответила быстро.

— Алис?

— Мне нужно тебя увидеть, — сказала Алиса. Голос прозвучал плоско, чужим. — Сейчас. В нашем кафе.

На том конце повисла короткая пауза.

— Что случилось?

Алиса закрыла глаза.

— Ничего. Просто приезжай. Пожалуйста.

— Хорошо, — сразу сказала Катя. — Буду.

Алиса отключилась, не дожидаясь больше ни вопросов, ни сочувствия. Положила телефон на тумбу, переоделась, накинула пальто и вышла на улицу.

Октябрь встретил её сыростью, ветром и мелким дождём. Воздух был влажным и холодным, и от этого мысли будто становились ещё яснее, ещё тяжелее. Она шла быстро, почти не замечая дороги, машин, людей с зонтами, серых фасадов домов. Всё вокруг казалось декорацией, лишённой объёма и смысла.

Кафе встретило её запахом кофе и приглушённым гулом чужих разговоров. Обычно этот шум успокаивал, но сегодня казался чужим, далёким, словно доносился из другой жизни. Алиса пришла раньше, заняла столик у окна и села, машинально разглаживая бумажную салфетку.

За стеклом моросил дождь. Фонари уже зажглись, и их свет дробился в мокром асфальте, рассыпаясь на десятки дрожащих отражений. Официантка подошла почти сразу, но Алиса только попросила кофе и, когда чашку поставили перед ней, даже не притронулась.

Катя появилась минут через пятнадцать — быстро, с улицы, вместе с холодным воздухом и запахом мокрого шарфа. Сняла перчатки на ходу, огляделась и сразу увидела Алису.

— Привет, подруга, — сказала она уже тише, подходя к столику. — Ты чего такая бледная?

Алиса подняла на неё глаза.

Катя замерла на секунду, и выражение её лица изменилось почти незаметно, но сразу ушла привычная лёгкость, появилась настороженность.

— Так, — сказала она, садясь напротив. — Что случилось?

Несколько секунд Алиса молчала. Пальцы всё ещё держали край салфетки, уже смятой и мягкой от её прикосновений.

— Я вчера нашла у Дениса чеки, — наконец сказала она.

Катя нахмурилась.

— Какие чеки?

— Один из мотеля. Второй из ювелирного.

Катя ничего не сказала, только смотрела внимательно, не перебивая.

Алиса сглотнула.

— Номер в мотеле, кольцо почти за полмиллиона. — Последние слова прозвучали глухо. Она опустила взгляд на чашку, в тёмной поверхности кофе дрожал отсвет лампы.

— Не со мной. И кольцо — тоже не мне.

Катя медленно выдохнула.

— Ты уверена, что это его?

Алиса коротко усмехнулась — без радости, почти беззвучно.

— Они были в кармане его пиджака.

Катя отвела взгляд к окну, будто на секунду собиралась с мыслями, потом снова посмотрела на неё.

— Он знает, что ты нашла?

— Нет.

— И ты ничего не сказала?

— Нет.

— Почему?

Алиса пожала плечами, но этот жест вышел беспомощным, ломким.

— Не смогла. Сначала я даже не поняла, что чувствую. А потом потом стало так мерзко, что я не захотела слышать ни одного его слова. Ни оправданий, ни вранья, ничего.

Катя кивнула медленно, как человек, который очень старается не сказать лишнего слишком рано.

— Может, и правильно, что не сказала сразу, — произнесла она. — В таком состоянии лучше не начинать разговор.

Алиса посмотрела на неё почти с отчаянием.

— Кать, он мне изменяет?

Этот вопрос повис между ними так прямо и страшно, что даже шум кофемашины где-то у стойки на секунду будто отступил.

Катя не ответила сразу. Она потянулась через стол и накрыла ладонь Алисы своей.

— Алис, — тихо сказала она, — я не хочу делать вид, что это может значить что-то хорошее.

У Алисы дрогнули губы.

— Господи

Она резко отвела взгляд и моргнула, чувствуя, как к горлу подступает жжение. Слёзы появились неожиданно, и от этого стало ещё обиднее. Она не хотела плакать здесь, в людном кафе, под светом ламп, среди чужих голосов и звона чашек.

Катя сжала её пальцы крепче.

— Тихо. Смотри на меня.

Алиса вдохнула, но воздух вошёл рвано.

— Я не понимаю, как жить дальше, — прошептала она. — Просто не понимаю. Как можно было приходить домой, смотреть на меня, разговаривать как обычно и всё это время

Она не договорила.

Катя молчала, давая ей договорить самой или не договаривать вовсе.

— Может, это давно, — сказала Алиса спустя несколько секунд. — Может, я вообще ничего не замечала. Все эти дни, месяцы Я вспоминаю каждую мелочь и думаю: вот здесь он уже врал? И здесь тоже? Всё теперь кажется ненастоящим.

— Это нормальное чувство, — тихо сказала Катя. — Когда рушится доверие, начинает шататься вообще всё. Не только сегодняшний день, а и то, что было до него.

Алиса вытерла щёку тыльной стороной ладони и слабо, почти виновато усмехнулась:

— Отлично. Значит, я ещё и нормальна.

Катя тоже чуть улыбнулась — осторожно, чтобы не спугнуть этот хрупкий момент.

— Более чем.

Алиса опустила глаза.

— Я всё думаю, может, надо было сразу ткнуть ему эти щеки в лицо. Спросить: это что? Кто она? Как давно? Но я даже этого не смогла. Просто смотрела на него утром и думала, что рядом со мной какой-то чужой человек.

— И это тоже нормально, — сказала Катя. — Ты в шоке. Не все в такие моменты бьют посуду и устраивают сцены. Иногда человек просто немеет.

Некоторое время они сидели молча. За окном прошёл трамвай, и свет в стекле дрогнул длинной полосой. Официантка принесла Кате чай, поставила чашку на стол и быстро ушла, уловив напряжение, в котором лучше не задерживаться.

— Что мне делать? — спросила Алиса.

Катя сделала маленький глоток, поставила чашку обратно.

— Не принимать решений сегодня.

Алиса посмотрела на неё.

— В смысле?

— В прямом. Не решать, уходишь ты или остаёшься. Не устраивать разговор, если чувствуешь, что не выдержишь. Не ломать себя об этот день. Тебе сначала нужно прийти в себя.

— А потом? — тихо спросила Алиса.

Катя чуть пожала плечами.

— А потом — факты. Спокойный разговор. Без истерики, если получится. Ты должна услышать, что он скажет. И решить уже не из шока, а из ясной головы.

Алиса медленно кивнула, хотя слова Кати пока не укладывались в ней во что-то твёрдое. Всё внутри всё ещё было как после удара: гулко, зыбко, пусто.

— И как мне получить эти факты? — спросила она после паузы. — Просто ждать, пока он сам всё расскажет?

Катя посмотрела на неё поверх чашки.

— Нет. Не ждать.

Алиса подняла глаза.

— Тогда что?

Катя помолчала секунду, словно прикидывала, стоит ли говорить это вслух, но всё же сказала:

— Проследи за ним.

Алиса уставилась на неё, не сразу поняв.

— Что?

— Проследи, — повторила Катя уже спокойнее. — Один раз. Этого хватит. Если у тебя в голове уже крутятся мотель и колёе, ты всё равно не успокоишься, пока не узнаешь правду.

Алиса побледнела ещё сильнее.

— Это... подло.

— А то, что делает он, по-твоему, не подло? — резко спросила Катя и тут же смягчила голос. — Алис, послушай меня. Хватит всё время думать, как правильно по отношению к нему. Подумай хоть раз, как правильно по отношению к себе.

Алиса отвела взгляд. Пальцы снова сжали салфетку, почти разрывая её пополам.

— Я не смогу, — прошептала она. — Я никогда в жизни таким не занималась. Это как-то... унижительно.

— Унижительно — сидеть и сходить с ума от догадок, — тихо сказала Катя. — А узнать правду — нет. Это не месть. Это способ понять, во что ты вообще живёшь.

Алиса молчала.

За окном всё так же моросил дождь. Люди проходили мимо, кто-то смеялся под зонтом, кто-то бежал к остановке, прикрывая голову сумкой. Обычный вечер продолжался, как будто мир не обязан был останавливаться из-за чужой боли.

— А если я ошибаюсь? — наконец спросила она. — Если это всё окажется какой-то нелепостью? Если я себе уже всё придумала?

— Тогда ты это увидишь и выдохнешь, — сказала Катя. — Но если нет, ты тоже должна узнать. И не через очередную ложь в глаза.

Алиса сидела, глядя на отражения фонарей в мокром стекле. Даже если внешне всё останется тем же — квартира, утренний кофе, его рубашки на спинке стула, ключи в прихожей, — внутри что-то уже треснуло.

И этот треск она теперь слышала слишком отчётливо.

Она медленно выпрямилась, словно внутри наконец оформилось что-то жёсткое и холодное.

— Хорошо, — сказала она.

Катя внимательно посмотрела на неё.

— Хорошо — что?

Алиса перевела взгляд на улицу.

— Я прослежу за ним.

Катя ничего не ответила, только коротко кивнула.

Алиса взяла чашку с давно остывшим кофе и впервые за всё время сделала глоток. Напиток был горьким.

Завтра она узнает правду.

Глава 5.

Она проснулась ещё до будильника.

В комнате стоял предрассветный полумрак. За окном было сыро и темно, редкий дождь шуршал по карнизу. Денис спал рядом, отвернувшись к стене. Его дыхание было ровным, спокойным, почти беззвучным. Как будто ничего не произошло. Как будто вчера не было чеков, разговора с Катей в маленьком кафе на углу.

Алиса лежала неподвижно, глядя в потолок. Она сказала себе, что не поедет. Повторила это ещё раз, будто от повторения решение могло стать настоящим. Не станет следить. Не будет рыться в его жизни. Не превратится в одну из тех женщин, которые сидят в машине под дождём и фотографируют мужа через стекло.

Рядом Денис чуть заметно шевельнулся во сне.

Алиса повернула голову и посмотрела на его затылок, на знакомую линию шеи, на тёмные волосы, чуть растрёпанные со сна. Сколько раз она просыпалась вот так — раньше него, в утренней тишине, и просто смотрела, испытывая спокойную, почти благодарную нежность. Ей казалось тогда, что любовь и есть это знание: он рядом, он — её дом.

Теперь от этой мысли стало больно.

Вчерашний разговор с Катей всплыл сам собой — её спокойный, безжалостный голос, её уверенность, раздражавшая и поддерживавшая одновременно. Катя советовала не гадать, а проверить. Алиса тогда ответила быстро, почти сердито: сама всё выяснит.

Теперь эти слова вернулись к ней как приговор.

Когда зазвонил будильник, Денис выключил его, не открывая глаз, потом сел на кровати и провёл ладонью по лицу. На кухне он пил кофе у окна. Серый свет делал его лицо усталым, почти чужим. Он мало говорил, отвечал коротко, как будто мысли его были далеко. Алиса сидела за столом и старалась не смотреть на него слишком пристально.

Когда он ушёл в душ, она взяла его чашку и машинально поднесла к раковине. На дне остался тонкий бурый след от кофе. Всё вокруг выглядело так же, как всегда: кружка, мокрая ложка, обычные утренние мелочи. И от этого было хуже. Снаружи ничего не менялось, хотя внутри у неё уже что-то сдвинулось и больше не вставало на место.

Потом он оделся, поцеловал её в висок — быстро, почти по привычке, — и сказал, что сегодня задержится.

Сердце у неё сжалось так резко, будто кто-то стиснул его в кулаке.

— На работе? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Да. И, может, заеду ещё в клуб.

Она кивнула.

Он ушёл, а она ещё долго стояла в прихожей, слушая, как затихают шаги на лестнице, как щёлкает замок подъезда. И только когда в квартире наступила плотная, давящая тишина, Алиса медленно опустила руку на банкетку у двери.

Часть её всё ещё цеплялась за возможность ошибки. За то, что Катя могла преувеличить. Что чеки можно объяснить. Что у любого странного поведения найдётся причина, не самая страшная. Но если не поехать сегодня, начнётся другое: она будет прислушиваться к каждому звонку, всматриваться в его лицо, искать подтверждения в мелочах. И это, наверное, окажется хуже любой правды.

К трём часам она поняла, что работать не сможет. Бумага перед ней оставалась белой, кисть скользила по ней, оставляя кривые, неуверенные линии. В половине четвёртого Алиса встала.

Она оделась перед зеркалом в прихожей. Пальцы не слушались, пуговицы на пальто застёгивались только с третьего раза. Из зеркала на неё смотрела женщина с неподвижным, стеклянным взглядом. На секунду захотелось снять пальто и вернуться домой. Но она всё-таки вышла.

В машине пахло холодным пластиком и остывшим кофе. Она села за руль, некоторое время сидела неподвижно, глядя, как по лобовому стеклу стекают капли, а потом повернула ключ.

Парковка у «Формула-Центра» встретила её серым бетонным безмолвием. Алиса выбрала место подальше от въезда, но так, чтобы видеть стеклянные двери фитнес-клуба. Заглушила мотор и осталась сидеть, не снимая рук с руля.

Сначала она смотрела только на двери. Потом — на часы. Потом снова на двери.

Минуты тянулись мучительно медленно. Люди входили и выходили, раскрывая зонты, перебегая по мокрому бетону, прижимая к груди спортивные сумки. Мир жил своей жизнью, равнодушной к её ожиданию.

Прошло двадцать минут. Потом тридцать.

Алиса сидела, сжимая бумажный стаканчик. Кофе давно остыл и горчил. Ей хотелось уехать. Если бы Денис сейчас вышел один, сел в машину и поехал домой, это значило бы, что всё не так. Что она ошиблась. Она поймала себя на том, что надеется именно на это.

В половине пятого из стеклянных дверей вышел Денис.

Алиса подалась вперёд, вцепившись в руль. Он шёл медленно, сутулясь, засунув руки в карманы плаща. Но страшно было не это. Страшным было его выражение — пустое, неподвижное, почти неживое. Так выглядит человек, которого словно выключили, а тело продолжает двигаться по старой памяти.

У Алисы внутри всё сжалось. Ту же отрешённость она уже видела в ту ночь на кухне — мельком, и потом долго убеждала себя, что ей показалось. Теперь не казалось.

Через несколько секунд из дверей вышла женщина.

Высокая, в тёмно-красном пальто, на каблуках, чётко отбивавших шаг по мокрому бетону. В руке — дорогая сумка. Она двигалась уверенно, как человек, привыкший не сомневаться в своём праве быть рядом.

Женщина догнала Дениса в два шага и что-то сказала. Денис не ответил. Он даже не сразу повернул голову — будто не понял, что обращаются к нему, или понял с опозданием.

Тогда женщина подошла ближе и легко коснулась его локтя.

От этого почти невесомого жеста Алису словно ударило током. Слишком свободно. Слишком естественно. Так случайно не касаются.

Денис остановился. Замер под дождём. В его взгляде не было ни раздражения, ни улыбки, ни тепла. Ничего. Только та пугающая отрешённость.

Женщина, похоже, не считала это важным. Она взяла его под руку — спокойно, уверенно, словно давно имела на это право, — и наклонилась к нему слишком близко. Алиса не могла бы поклясться, что увидела поцелуй. Но со стороны всё выглядело именно так.

Рука Алисы потянулась к телефону. Пальцы дрожали так, что она не сразу попала по иконке камеры. Она навела объектив. В кадре — Денис с отсутствующим лицом и незнакомка, склонившаяся к нему с непринуждённой уверенностью.

Щелчок.

Потом ещё один.

На секунду ей стало стыдно — резко, почти болезненно. Но стыд тут же отступил. Теперь у неё было доказательство. Не для Кати и не для скандала. Для себя — чтобы больше не объяснять, не оправдывать, не сомневаться.

Что-то тихо сказав, незнакомка подвела Дениса к тёмному седану. Алиса сразу узнала машину, но из-за дождя не смогла разглядеть, кто сидит за рулём. Незнакомка открыла заднюю

дверцу, и Денис сел внутрь без возражений, почти послушно. Потом она обошла машину и села рядом с ним на заднее сиденье. Почти сразу машина тронулась.

Алиса не двинулась. Только сильнее вцепилась в руль. Машина уехала. Парковка опустела.

Она ещё долго сидела неподвижно. За окнами быстро сгущались сумерки, фонари дробились в лужах. Алиса снова открыла фото и увеличила его. У Дениса оно оставалось пустым, у незнакомки — спокойным. Снимок казался краденым фрагментом чужой жизни, случайно попавшим в её телефон.

Телефон пискнул. Сообщение от Кати:

«Ну что? Ты как?»

Алиса набрала ответ:

«Видела. Это правда».

Почти сразу пришло новое сообщение:

«Ты где?»

Она не ответила.

Алиса вышла из машины. Дождь сразу попал за воротник, потёк по шее ледяными струйками, но она почти не почувствовала этого. Стояла посреди пустой парковки под тёмным октябрьским небом и никак не могла заставить себя вдохнуть глубже.

Катя вчера сказала, чтобы она не позволила этому сломать себя целиком.

Но внутри уже что-то треснуло — тихо, беззвучно, окончательно.

Она вернулась в машину, завела двигатель только с третьего раза и поехала домой.

Дома Алиса скинула мокрые ботинки, повесила пальто и долго стояла в прихожей, прижавшись лбом к холодной стене. Потом прошла на кухню, села за стол — на тот самый стул, где утром сидел Денис, — и разблокировала телефон. Фото всё ещё было там.

Она больше не плакала. Слезы кончились — осталось сухое онемение, то, что приходит потом, когда самое страшное уже произошло и ничего нельзя вернуть. Алиса прижала ладони к лицу. Плечи вздрагивали в такт беззвучному крику, запертому внутри.

Теперь в её голове существовало сразу две картины: июньское утро, запах жасмина, его рука у её виска, спокойное «мы» — и мокрая парковка, где чужая женщина берёт его под руку, а он смотрит в пустоту.

В первой осталась её вера. Во второй — то, что её разрушило.

Телефон снова загорелся. Катя.

Алиса посмотрела на имя и не открыла сообщение.

Не сейчас.

Сначала нужно было пережить этот вечер. Дождаться, когда Денис вернётся домой, если вернётся, войдёт в эту кухню, снимет плащ, что-нибудь скажет своим обычным голосом. И тогда уже решить, сможет ли она смотреть на него как раньше.

Она не знала, что сделает завтра. Не знала, расскажет ли ему об этом. Не знала, позвонит ли Кате. Но одно понимала ясно: делать вид, что ничего не происходит, она больше не сможет.

За окном всё так же шёл дождь.

Глава 6.

Ночь медленно заполнила квартиру. Тишина стояла такая плотная, что Алиса слышала не только тиканье часов и глухой гул холодильника, но и собственное дыхание — неровное, слишком частое. За окнами шёл дождь: шуршал по стеклу, стекал по карнизам, дробился в редких огнях двора. Всё вокруг словно замерло в этой сырой темноте. Только у неё внутри ничего не унималось.

Она ходила по квартире уже не первый час. Из спальни в гостиную, оттуда на кухню и обратно. Круг за кругом. Иногда останавливалась у окна, прижималась лбом к холодному стеклу и смотрела вниз, на мокрый двор, где асфальт блестел под фонарями. Но стоило закрыть глаза хоть на секунду — перед ней сразу вспыхивала та сцена: парковка, дождь, Денис, чужая женщина рядом. Её рука на его локте. Движение, слишком близкое, слишком уверенное. Словно имела на него право.

Алиса больше не плакала. Слезы закончились ещё раньше, вместе с тем первым, оглушающим ударом. Осталось что-то хуже — тупая, ровная боль, не отпускавшая ни на минуту. Будто всё внутри онемело, но продолжало болеть.

Когда в замке повернулся ключ, она даже не вздрогнула. Только выпрямилась и замерла посреди кухни, положив ладонь на край стола.

Денис вошёл медленно. Как человек, которому тяжело держаться прямо. В прихожей горел лишь ночник, и мягкий жёлтый свет делал его лицо осунувшимся, усталым, непривычно чужим. Галстук был ослаблен, ворот рубашки расстёгнут, волосы чуть влажные от дождя. Он закрыл за собой дверь, повесил плащ на вешалку, и вместе с ним в квартиру вошёл запах.

Сладкий. Густой. Тягучий.

Чужие духи.

Они ударили Алису почти физически. Тёплые, пряные, слишком явные, чтобы в них можно было ошибиться.

Денис, не глядя на неё, сказал:

— Ужин затянулся. И пробки были ужасные.

Алиса смотрела молча.

Только через несколько секунд ответила:

— Только не ври мне в лицо.

Он поднял голову. На мгновение в его глазах мелькнула растерянность — почти детская, беззащитная. Но тут же исчезла.

— Я не вру.

— Даже сейчас?

Он хотел что-то сказать, но замолчал.

Алиса сделала шаг ближе.

— Ты чувствуешь? — спросила она тихо. — Это не мои духи. Откуда от тебя этот запах?

Денис машинально поднёс рукав к лицу, вдохнул и тут же поморщился, будто только сейчас по-настоящему понял, о чём она говорит.

— Не знаю, — сказал он глухо. — Может...

Он запнулся.

— Что? — спросила она.

Денис провёл ладонью по лицу. Медленно, тяжело, словно пытался собрать мысли, которые никак не складывались.

— Я не помню, — произнёс он наконец.

Алиса усмехнулась коротко и без всякого веселья.

— Конечно.

— Я серьёзно.

Она ничего не ответила. Просто достала телефон, открыла фотографию и, подойдя почти вплотную, подняла экран так, чтобы он видел.

— Тогда смотри.

Несколько секунд Денис не двигался, глядя на снимок. Сначала в его лице было только непонимание. Потом оно дрогнуло, сменившись чем-то похожим на ужас. И следом — пустота. Настолько резкая и явная, что Алисе на миг стало не по себе.

— Господи... — выдохнул он.

— Только не говори, что ты видишь её впервые, — тихо сказала Алиса. — Ты хочешь сказать, что не знаешь, кто эта женщина?

Он продолжал вглядываться в экран.

— Я не знаю, кто она.

— Я видела всё сама, — тихо сказала Алиса. — Видела вас на парковке. Видела, как она взяла тебя под руку, посадила в машину, и как вы уехали.

Денис медленно поднял глаза.

— Я не помню этого.

— Удобно.

Он вздрогнул, будто это одно слово ударило сильнее обвинений.

— Думаешь, я сейчас это придумываю? — спросил он хрипло. — Я сам не могу понять, что вижу.

— А я, по-твоему, понимаю?

Она не кричала. Истерика давно прошла, если вообще была. В её голосе не осталось почти ничего, кроме выжженной усталости.

— Со стороны всё выглядит предельно ясно. Есть ты. Есть какая-то женщина. Она берёт тебя под руку. Сажает в машину. И ты уезжаешь с ней. А потом возвращаешься домой с её запахом на одежде.

— Я не могу это объяснить.

— Не можешь или не хочешь?

Он покачал головой.

— Не могу.

И в этих двух словах было столько бессилия, что Алиса вдруг почувствовала не злорадство, а холод. Перед ней стоял не мужчина, пойманный на лжи. Не тот, кто красиво выкручивается и говорит ровно то, что нужно, чтобы ему поверили. В Денисе сейчас было что-то сломанное. Что-то почти беспомощное. И от этого было только хуже.

— Последнее, что я помню, — сказал он после долгой паузы, — я был в «Формуле». Потом всё словно рвётся: дождь, свет, машина... А дальше пусто.

Алиса смотрела на него пристально, будто хотела уловить, в каком месте он лжёт.

Но хуже всего было то, что сейчас она и правда не понимала: лжёт ли он, путается или сам до конца не знает, что с ним произошло.

— И ты думаешь, я должна в это поверить? — спросила она.

— Я не знаю, во что ты должна поверить, — сказал Денис. — Я просто говорю тебе то, что помню.

Он тяжело опустился на пол в прихожей, прислонился спиной к стене и на секунду закрыл глаза. В этом движении не было театра. Только усталость человека, у которого внезапно исчезла почва под ногами.

Алиса стояла напротив и чувствовала, как внутри всё окончательно стынет.

Когда-то она знала этого человека лучше всех. Знала, как он улыбается, когда по-настоящему расслаблен, как хмурится, читая новости, как во сне находит её руку, даже не просыпа-

ясь. Но сейчас перед ней был кто-то чужой. И дело было уже не только в женщине на парковке, не в фотографии, не в запахе её духов.

Хуже было другое.

Алиса больше не понимала, можно ли верить хоть одному его слову.

И, может быть, он сам уже не знал, где правда.

Она медленно выдохнула.

— Я не знаю, врёшь ты мне или нет, — сказала она. — И самое страшное, что сейчас ты, кажется, сам не знаешь, что правда, а что нет.

Денис открыл глаза и посмотрел на неё снизу вверх.

— Алис...

— Не надо, — перебила она. — Пожалуйста, не говори сейчас ничего.

Она отвернулась и ушла в гардеробную.

С верхней полки сняла спортивную сумку, поставила её на банкетку и начала собирать вещи. Всё происходило быстро, почти механически: свитер, джинсы, бельё, футболка, косметичка, зарядка, расчёска. Руки двигались уверенно, как будто тело само знало, что делать, пока голова ещё не успела по-настоящему осмыслить происходящее.

Из коридора доносилось тяжёлое дыхание Дениса. Потом — его голос, тихий, срывающийся:

— Не уходи.

Она замерла, но не обернулась.

— Пожалуйста, не уходи сейчас, — сказал он. — Я правда не понимаю, что со мной происходит. Я ничего не помню. Дай мне хотя бы ночь. До утра. Я попробую всё восстановить. Я... я не знаю, что ещё тебе сказать.

Алиса застегнула сумку не сразу. Несколько секунд просто стояла посреди гардеробной, глядя на ровные ряды вещей, на коробки, на полки — на весь этот упорядоченный, привычный мир, который ещё утром казался незыблемым.

Потом взяла сумку и вышла в коридор.

Денис всё так же сидел на полу у стены. В свете ночника лицо у него было серым и осунувшимся. Увидев её, он медленно поднял голову.

— Мне нужно к Вере, — тихо сказала Алиса. — Я просто не смогу сегодня быть тут.

Он смотрел на неё так, словно не сразу понял смысл сказанного.

— Ты вернёшься? — спросил он.

Она помолчала.

— Я не знаю, — ответила честно. — Сейчас не знаю.

На секунду ей показалось, что он ещё что-то скажет. Попытается остановить, объяснить, вцепится в неё хотя бы словом. Но Денис только слабо провёл ладонью по лицу и устоялся в пол.

Алиса подошла к двери и открыла её.

С площадки тянуло прохладным воздухом, дождём и едва уловимым запахом мокрого камня. После тяжёлого сладкого аромата чужих духов этот воздух показался почти резким — чистым, реальным.

Не глядя назад, она сказала:

— Не звони сегодня. Я всё равно не смогу говорить.

И вышла.

Короткий щелчок — и всё.

В холле было тихо. Лифт пришёл почти сразу. Пока кабина спускалась вниз, Алиса смотрела на своё отражение в тёмном зеркальном металле и не узнавала себя: бледное лицо, неподвижный взгляд, неестественно прямые плечи. Как у человека, который держится только потому, что ещё не может позволить себе рухнуть.

На улице дождь почти закончился. Воздух был холодным и влажным. Фонари дробились в лужах на асфальте, и весь двор казался чуть размытым, как кадр, снятый через мокрое стекло.

Алиса дошла до своей машины и остановилась рядом. Положила ладонь на холодную крышу, постояла так несколько секунд, потом поняла, что не сможет сейчас сесть за руль. Не потому, что ехать было далеко. А потому, что руки до сих пор едва заметно дрожали, а внутри стояла оглушающая тишина.

Она достала телефон и вызвала такси.

Главное — доехать до Веры. Добраться до её квартиры, снять обувь в прихожей, услышать знакомый голос, сесть на диван и хотя бы на несколько часов перестать держаться. А утром уже думать, что делать дальше.

Пока она ждала машину, дождь едва ощутимо касался лица. Алиса стояла под козырьком, крепко держа сумку, и чувствовала только усталость. Ни слёз, ни крика, ни прежней острой боли уже не было. Только глухое, выжженное чувство: этой ночью она ушла не потому, что всё поняла, а потому, что больше не могла оставаться рядом с человеком, которого перестала понимать.

Из-за поворота вынырнуло такси. Свет фар скользнул по мокрому двору, по её машине, по тёмным окнам дома.

А в квартире наверху всё ещё горел свет.

На столе — чашка с недопитым кофе. В прихожей, на полу у стены, сидел Денис. Он не двигался. И тишина в квартире теперь была другой. Пустой. Тяжёлой. Без неё.

Глава 7.

Такси высадило её у панельной девятиэтажки на окраине. Ночной ветер гнал по асфальту мокрые листья. Подхватив сумку, Алиса почти бегом пересекла пустой двор. Лампочка над подъездом не горела — только тускло светился домофон, отбрасывая на ступеньки бледный синий свет. Она нажала кнопку с номером квартиры и замерла, прислушиваясь к тишине. Через несколько секунд динамик ожил — хрипловатый, сонный голос Веры:

— Кто?

— Это я, — выдохнула Алиса.

От звука собственного голоса ей стало не по себе: он был чужим, ломким.

Замок пискнул, дверь подъезда дёрнулась, пропуская её внутрь. В подъезде было тепло. Пахло пылью, сухим деревом перил и едва уловимым запахом кошачьего корма из чьей-то квартиры. Она поднялась на четвёртый этаж. Едва успела дойти до площадки, как дверь открылась. Вера стояла на пороге, в наспех наброшенном халате, со спутанными волосами, но с тем самым цепким, ясным взглядом, который Алиса помнила с детства.

— Почти утро. Что случилось? Что-то серьёзное?

Вера быстро оглядела сестру, задержав взгляд на сумке, на бледном лице, на воспалённых глазах.

Алиса переступила порог, чувствуя, как внутри всё дрожит.

— Можно я зайду?

— Глупый вопрос, — Вера посторонилась. — Идём на кухню. Ты вся продрогла.

В квартире пахло сухими травами и чем-то привычно-медицинским — смесью корвалла, валерианы и хвойной мази. Этот запах кольнул в сердце: так пахло в детстве, когда Вера, тогда ещё студентка-медик, приезжала домой на каникулы. Алиса поставила сумку у порога и застыла, не решаясь пройти дальше. Пальто, с которого ещё не стекли капли дождя, она так и не сняла.

Вера уже ушла на кухню — щёлкнула кнопкой чайника, достала с полки две кружки, не парадные, а те, что потемнели от времени, с мелкими сколами. Поставила на стол керамическую сахарницу, жестяную банку с чабрецом. Обернувшись, окинула сестру быстрым, внимательным взглядом.

— Ну-ка, давай пальто сниму. Ты так и будешь в нём стоять?

Она шагнула к Алисе и мягко, но без колебаний потянула за мокрый рукав.

Алиса послушно высвободила руки, дала снять с себя пальто и повесить его на крючок у двери.

— Садись, — кивнула Вера на стул. — Замёрзла. Вон руки ледяные.

Она всегда говорила так — медицинский факт вместо вопроса. И эта привычная интонация вдруг успокоила Алису больше, чем любые объятия.

Алиса опустила на стул. Вера бросила на неё короткий взгляд — в нём смешались тревога и профессиональная оценка. Потом накинула Алисе на плечи старый клетчатый плед, пахнувший шкафом и чуть-чуть лавандой.

— Спасибо, — глухо отозвалась Алиса.

Она подтянула плед к горлу, вцепилась пальцами в край и замерла, глядя в одну точку.

Вера не торопила. Залила кипятком заварку, подвинула чашку поближе к сестре и только когда та сделала первый глоток — обжигаясь, но не замечая этого, — заговорила снова:

— Ты всегда прячешься в себе, когда тебе плохо. Тебе не хочется говорить или сейчас просто тяжело подобрать слова?

Алиса подняла на неё расфокусированный взгляд.

— Давай просто чай. Без допроса. Пожалуйста.

— Значит, сначала чай, — спокойно согласилась Вера.

Она не обиделась, не стала настаивать. Просто села напротив — не слишком близко, но и не отстраняясь. Несколько минут они молчали. На кухне было слышно только тиканье старых настенных часов и постукивание ветки за окном.

Первой заговорила Алиса. Поставила кружку на стол и, не поднимая глаз, произнесла тихо, с паузами:

— Денис вернулся под утро. От него пахло чужими духами. Но страшнее было другое: в этот раз он даже не понимал, где был. Смотрел сквозь меня. Как будто я — пустое место.

Вера нахмурилась.

— Подожди. Какими духами? Что значит — не понимал?

Алиса сжала пальцами край пледа.

— Он будто не понимал, где находится. Сказал, что почти ничего не помнит. Я сначала решила, что он врёт. Что просто выкручивается. А потом... не знаю. Он выглядел так, словно и правда сам ничего не понимает.

Вера молчала, слушая.

— Ты сказала — духи, — произнесла она уже после паузы. — Сладкие? Резкие?

— Сладкие. Приторные, — Алиса на секунду запнулась, вспоминая. — И ещё что-то странное. Будто аптечное. То ли спирт, то ли эфир... не знаю.

Взгляд Веры стал внимательнее.

— Провалы памяти были?

— Да. Он сказал, что ничего не помнит. Совсем. Клялся, что его напоили, подставили. Я... я показала ему фото с той женщиной, и он словно сломался прямо у меня на глазах. Но так ничего и не вспомнил.

Вера откинулась на спинку стула. Лицо её стало строже, сосредоточеннее.

— Провалы памяти и этот запах — плохое сочетание, — тихо сказала она. — Ты уверена, что он в целом здоров? Может, у него есть какие-то проблемы, о которых ты не знаешь? Или он сам что-то принимает?

— Я уже ни в чём не уверена, — Алиса усмехнулась, и в этой усмешке не было веселья. — Я даже не знаю, кто он теперь. И кто я рядом с ним.

Вера немного помолчала, потом подалась вперёд.

— Иногда это не стресс, — сказала она тихо. — Иногда это химия. Я такое видела не раз: люди теряют часы, а то и целые куски суток. Не помнят, где были, с кем, что делали. Иногда это алкоголь. Иногда препараты. Свои — или чужие. Ты понимаешь, о чём я?

— Понимаю, — сказала Алиса.

И впервые за эту ночь в её глазах появилось что-то кроме пустоты — слабый, но живой интерес.

— Можно сделать токсикологический скрининг, — сказала Вера. — Но только с его согласия. Он должен прийти сам и сдать кровь добровольно.

— Он не согласится, — покачала головой Алиса.

— Согласится, если правильно попросить.

Вера ненадолго замолчала, давая ей время переварить услышанное.

— Не говори ему про подозрения. Скажи, что ты волнуешься за его здоровье: провалы в памяти, рассеянность, общее состояние. Предложи сдать анализы просто для твоего спокойствия. Это ведь не ложь, Алис. Ты правда за него волнуешься.

Алиса ничего не ответила. Сидела, обдумывая.

— Если он согласится, я всё организую, — продолжила Вера. — Главное, чтобы он пришёл сам и дал согласие. Остальное я возьму на себя.

Алиса подняла глаза.

— Думаешь, так можно?

— Можно, — ответила Вера. — И лучше проверить, чем потом гадать.

Она помолчала и добавила мягче:

— Я попрошу, чтобы сделали не только обычные анализы, но и токсикологию. Проверим, нет ли в крови следов веществ, которые могли дать такие провалы: снотворных, транквилизаторов, нейролептиков.

— Это не опасно? Для него?

— Нет. Ничего опасного. Просто посмотрят, не было ли в крови веществ, которые могли так его выключить.

И уже твёрже добавила:

— Но без его согласия — никак. Тебе придётся его убедить.

Пауза затянулась. За окном, далеко внизу, прошуршала по мокрой улице одинокая машина.

— Звучит разумно, — наконец сказала Алиса.

Голос её прозвучал твёрже, чем она сама ожидала.

— Я попробую. Но, Вера... никому, хорошо? Даже маме. Особенно маме.

Вера подняла на неё серьёзные глаза.

— Никому. О результатах узнаешь только ты. И если там что-то будет, тогда и решим, что делать дальше. Спокойно. Без истерик. Договорились?

Алиса кивнула.

Впервые за эту ночь что-то в груди чуть ослабло. Не исчезло — но перестало быть похожим на стальной обруч.

Они ещё немного посидели молча. Чай остыл. Вера встала, принесла аптечку и, порывшись внутри, достала блистер с мягким успокоительным. Движения её были точными, привычными, выверенными. Алиса смотрела на сестру и вдруг с неожиданной остротой почувствовала благодарность. Не только за помощь — за самую возможность помощи.

— Поспи немного, а утром разберёмся, — сказала Вера.

Она убрала аптечку, подошла, поправила на Алисе плед и чуть дольше, чем нужно, задержала ладонь на её плече.

— Я никуда не уйду.

Алиса проводила её взглядом и осталась на кухне одна. За окном медленно светало. Дождь прекратился. Она подошла к подоконнику, прижалась лбом к холодному стеклу и впервые за долгие часы сделала глубокий, полный вдох.

Мысль была робкой, почти невозможной:

может быть, он не предатель.

Может быть, с ним действительно что-то случилось.

Держаться дальше уже не было сил. Вера уложила её спать в маленькой комнате, на узком диване под старым шерстяным пледом. Алиса проспала несколько часов тяжёлым, неровным сном, а днём долго сидела на кухне с остывшим чаем, собираясь с силами.

Теперь ей предстоял разговор с Денисом. Нужно было убедить его сдать кровь — не для скандала, не для выяснения отношений, а чтобы понять, что с ним происходит. Алиса не знала, согласится ли он. Но теперь у неё был хотя бы план. А значит — уже не одна пустота.

Глава 8.

Домой Алиса вернулась только к вечеру того же дня. Ключ повернулся в замке тихо, почти виновато, и она на секунду замерла на пороге, прежде чем войти.

В квартире было сумрачно и тихо. В гостиной горел торшер — тот самый, что они купили в год переезда. Денис сидел на диване перед выключенным телевизором. Не читал, не пил, не смотрел в телефон — просто сидел, уставившись в тёмный экран, и, кажется, даже не заметил, как она вошла.

Алиса сняла пальто, повесила его в шкаф в прихожей и прошла в гостиную. Остановилась у дверного косяка, скрестив руки на груди, — не враждебно, скорее устало.

— Я дома, — сказала она негромко.

Он вздрогнул, обернулся, и в его взгляде на мгновение мелькнул страх — будто он ждал, что сейчас она скажет: «Я ухожу насовсем». Но она этого не сказала.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

— Ты всё-таки пришла, — произнёс Денис глухо.

— Пришла, — ответила Алиса.

Она подошла ближе и, помедлив, села на дальний край дивана. Между ними осталось расстояние — небольшое, но ощутимое.

— Я не знал, придёшь ты или нет.

— Я тоже не знала, — тихо сказала Алиса.

Она сцепила пальцы, собираясь с силами.

— Денис, тебе нужно к врачу. Просто сдать анализы, проверить себя. Я больше не могу делать вид, что всё в порядке. Ты забываешь, теряешься, смотришь сквозь меня. Мне страшно. Пожалуйста, сходи. Ради нас.

Денис долго молчал, глядя в пол. Потом потёр переносицу — знакомый жест, означавший, что он пытается справиться с собой.

— Ты думаешь, у меня что-то серьёзное? — спросил он хрипло.

— Не знаю, — честно ответила Алиса. — Поэтому и прошу. Если ничего нет — хорошо. Значит, хотя бы это мы исключим. А если есть

Она не договорила.

— Хорошо, — сказал он наконец.

В этом слове было больше усталого смирения, чем согласия.

— Куда ехать?

Алиса выдохнула, стараясь не выдать дрожь в руках.

— Вера сказала, что лучше в клинику. Но если ты не хочешь туда ехать можно попробовать через ваш медкабинет. У вас же он есть?

Денис поднял на неё глаза, и впервые за долгое время в них мелькнуло что-то осмысленное.

— Есть, — сказал он после паузы. — И у меня есть ключи от всех помещений. Если нужно быстро и без лишних вопросов — лучше там.

Алиса кивнула.

— Тогда я позвоню Вере.

— Позвони, — сказал он. — Завтра встретимся у входа.

Ночью Вера сначала попыталась снова настоять на клинике, но, выслушав Алису, согласилась: если Денис сам готов прийти в медкабинет клуба и всё можно провести через внутреннюю систему, такой вариант тоже подойдёт. Главное — не спугнуть его лишним давлением в последний момент.

Утро выдалось холодным и ясным. После недели дождей небо наконец очистилось, но солнце светило резко, без тепла.

В машине они почти не разговаривали. Денис смотрел в окно, Алиса — на дорогу.

Холл «Формула-Центра» встретил их привычной строгой тишиной: дорогая отделка, приглушённый свет, стойка администратора у входа. Вера уже ждала — в пальто, с тёмной сумкой в руках. Увидев их, коротко кивнула.

— Доброе утро. Вы вовремя.

Денис молча кивнул в ответ.

Втроём они прошли в крыло медкабинета. У нужной двери Денис достал ключ, отпер замок и пропустил женщин внутрь.

Процедурный кабинет оказался просторной светлой комнатой с панорамным окном, выходившим на закрытый двор клуба. Вдоль стен стояли белые шкафы с медицинским оборудованием, высокий столик на колёсах, кресло для забора крови с мягкими подлокотниками. Сверху лился ровный, без теней, медицинский свет.

Вера сразу прошла к столу, поставила сумку, надела перчатки и заговорила тем спокойным, будничным тоном, каким умеют говорить только люди, давно привыкшие к чужому страху:

— Ничего страшного. Обычный забор крови. Через несколько минут будете свободны.

Она достала жгут, спиртовые салфетки, держатель, иглу и две вакуумные пробирки. Затем подняла взгляд на Дениса.

— Я возьму две пробирки. Одна пойдёт по основному назначению, вторую оставляю на расширенную панель, чтобы потом не пришлось делать повторный забор, если возникнут вопросы. Вы согласны?

Денис перевёл взгляд с Веры на Алису.

Алиса не сказала ни слова. Ей хотелось попросить, уговорить, подтолкнуть — но она молчала. Сейчас любое лишнее слово могло всё разрушить.

Через несколько секунд Денис кивнул.

— Согласен.

— Тогда садитесь, закатайте рукав повыше. Кулак сожмите.

Она ловко затянула жгут, обработала спиртом локтевой сгиб. Игла вошла мягко, почти незаметно, и в первую пробирку пошла тёмная венозная кровь. Потом — во вторую.

Алиса стояла у окна и смотрела, как наполняются цилиндры. В этой картине было что-то почти гипнотическое и страшное — будто сейчас брали не кровь на анализ, а извлекали наружу самую правду.

— Всё, — сказала Вера, вынимая иглу и прижимая к сгибу локтя ватный тампон. — Подержите. Руку не сгибайте.

Она быстро промаркировала обе пробирки. Пробирку для независимой лаборатории сразу убрала в жёсткий транспортный контейнер и защёлкнула крышку. Официальную положила рядом с бланком на край стола.

И в этот момент дверь открылась.

Вошёл корпоративный врач.

Невысокий, плотный, с заметным животом, который не мог скрыть даже свободный халат. Халат был мятый, накинутый поверх рубашки с галстуком, съехавшим набок, а под зачёсанными седыми волосами проглядывала лысина. Красноватое лицо лоснилось в свете ламп, и он время от времени вытирал лоб мятым платком.

— Вера Сергеевна? — Он бросил короткий взгляд на Алису, но не поздоровался. — Документацию оформим сразу. Я проконтролирую направление в лабораторию.

Вера кивнула почти незаметно.

— Конечно. Я всё подготовила.

Алексей Борисович взял официальный бланк и пробирку, мельком взглянул на маркировку. Затем достал из шкафа чистый пластиковый контейнер, поставил туда пробирку и защёлкнул крышку.

— Это пойдёт в корпоративный отчёт. В лабораторию уйдёт стандартная панель, — сухо произнёс он.

Вера выдержала секундную паузу.

— Разумеется. Только стандарт.

Он поджал губы, словно обозначая согласие, и вышел, плотно притворив за собой дверь. Когда его шаги стихли, Алиса шагнула к сестре.

— Что это сейчас было?

Вера, не поднимая головы, уже проверяла, надёжно ли закрыта сумка.

— Формальности. У каждого здесь свои правила. Не волнуйся, всё под контролем.

Позже, уже на улице, Денису кто-то позвонил, и он, извинившись, отошёл в сторону. Вера проводила его взглядом и, убедившись, что он не слышит, заговорила тише:

— Раз забор идёт не через моё отделение, а через их кабинет, я решила подстраховаться. Официальная проба уйдёт через внутреннюю систему клуба. Вторую я отправлю в независимую лабораторию. Если результаты совпадут — хорошо. Если нет, значит, проблема не в твоих подозрениях, а в цепочке оформления.

— Разве ты сама не можешь проверить? — Алиса нервно сжала ремешок сумки. — Ты же токсиколог.

— Могу, — ответила Вера. — Но не в этом случае. Для такого дела нужна внешняя лаборатория, чтобы потом ни у кого не возникло вопросов. Я не могу быть одновременно твоей сестрой, врачом и единственным источником результата. Так надёжнее.

Она коснулась её плеча.

— У корпоративной лаборатории будет один бланк. У нас — второй. И если они не совпадут, мы хотя бы поймём, где искать ложь.

Два дня превратились в бесконечность.

Алиса старалась не думать, но мысли возвращались снова и снова: к тому вечеру, к чужому запаху, к пустому взгляду Дениса на кухне. Она ходила по квартире, переставляла вещи, которые и так лежали на своих местах. На кухне машинально налила в чайник воды, поставила его на плиту, потянулась к сушилке за чашкой — и пальцы дрогнули.

Чашка задела край столешницы и разбилась.

Звон вышел резким, рваным.

Алиса так и застыла над осколками, даже не пытаясь их собрать.

Из гостиной донёсся глухой голос Дениса:

— Ты не порезалась?

Она не ответила.

Разговор так и не завязался — молчание только тянулось. Оба ждали, но не знали, с чего начать.

Телефон зазвонил вечером, в начале девятого. Алиса схватила его, даже не взглянув на экран.

— Алиса, слушай меня внимательно, — сказала Вера. Голос у неё был усталый, но твёрдый.

Алиса, не глядя, включила громкую связь и положила телефон на стол. Пальцы дрожали так сильно, что держать его у уха было трудно.

— Мне пришли оба результата, — продолжила Вера. — По корпоративному бланку всё чисто. Ни одного отклонения. Никаких препаратов. Ничего. Официальный результат уже прошёл через Алексея Борисовича и завтра уйдёт во внутреннюю медкарту как стандартное заключение: «Отклонений не выявлено».

Алиса почувствовала, как у неё леденеют пальцы.

— Но пришёл и второй результат, — сказала Вера. — Из независимой лаборатории.

Короткая пауза.

— В нём есть «Тенейрол». Психотропный препарат. След свежий, по времени — тот самый вечер. Доза в несколько раз выше терапевтической.

Алиса прижала ладонь к губам, чтобы не закричать. Мир качнулся, но сквозь ватный шум в ушах она всё же услышала собственный шёпот:

— Ты уверена?

— Лаборатория независимая. Ошибка маловероятна. Но главное даже не это, Лис. Результаты не совпадают между собой: один показывает чистую картину, второй — психотропный препарат в крови.

Вера помолчала.

— У тебя теперь не просто подозрения. У тебя факт. Он не виноват. Кто-то делает это намеренно.

Слёзы хлынули сами — не горькие, а горячие. Но первым чувством было не облегчение. Ярость.

Не горячая, а холодная, как хирургическая сталь.

Значит, не предательство.

Значит — подлость.

Она обернулась.

Денис стоял в дверном проёме — она не слышала, как он подошёл. По его лицу невозможно было понять, всё ли он услышал или только последнее.

— Значит, меня и правда могли отключить? — спросил он глухо. — Я даже не понимал, что творю

— Да, выходит так, — тихо сказала Алиса. — Это сделали намеренно.

Из динамика донёсся голос Веры — спокойный, почти сухой, и от этого ещё более весомый:

— Теперь надо выяснить, кто и зачем.

Алиса сжала край стола так сильно, что побелели пальцы. Внутри, на месте пустоты, собиралась холодная, злая собранность.

— Мы это выясним, — сказала она, глядя то ли на телефон, то ли на Дениса. — Вместе.

Вера на том конце линии помолчала, потом её голос стал жёстче:

— И ещё, Денис. С Алексеем Борисовичем пока никаких разговоров. Мы не знаем, он ли это, но официальный образец шёл через его руки. Если сейчас кого-то спугнуть, вся цепочка закроется, и правду мы уже не достанем.

Алиса ничего не ответила. Она смотрела на Дениса и чувствовала: на месте боли остаётся только холодная, точная решимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.